

ЛОГИЧЕСКИЙ ПОЗИТИВИЗМ, ЦЕННОСТИ И НОРМЫ: ВОЗМОЖНО ЛИ ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ «ЛОГИКО-ФИЛОСОФСКОГО ТРАКТАТА» Л. ВИТГЕНШТЕЙНА?*

Оглезнев Виталий Васильевич – доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник. Институт философии и права СО РАН.
Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8.
Профессор.
Санкт-Петербургский государственный университет.
Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9;
e-mail: ogleznev82@mail.ru

За свою столетнюю историю «Логико-философский трактат» Людвиг Витгенштейна претерпел самые различные интерпретации и объяснения. Но значение этой работы не может исчерпываться лишь оценкой того, оказала ли она влияние на развитие логического позитивизма или нет. Равным образом, прочтение «Трактата» не может сводиться только к этическому или какому-то иному прочтению. В данной статье рассматривается возможность философско-правового прочтения «Трактата», основанного на соотношении фактов, ценностей и норм, а также то, насколько интересным он мог бы быть для философии права.

Ключевые слова: логический позитивизм, факт, ценность, норма, философия права, Витгенштейн

LOGICAL POSITIVISM, VALUES, AND NORMS: IS IT POSSIBLE TO READ WITTGENSTEIN'S TRACTATUS LOGICO-PHILOSOPHICUS IN TERMS OF LEGAL PHILOSOPHY?

Vitaly V. Ogleznev – DSc in Philosophy, Leading Research Fellow. Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 8 Nikolaeva Str., Novosibirsk 630090, Russian Federation; Professor.
Saint Petersburg State University.
7–9 Universitetskaya Emb., 199034 Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: ogleznev82@mail.ru

During its hundred-year history, Ludwig Wittgenstein's *Tractatus Logico-Philosophicus* has undergone a variety of interpretations and explanations. But the significance of this work cannot be limited to an assessment of whether it had an impact on the development of logical positivism or not. Similarly, the reading of *Tractatus* cannot be reduced to just an ethical or some other readings. This article proposes to study a possible reading of "Tractatus" in terms of legal philosophy, which is based on the relation between facts, values and norms, as well as on how interesting it could be (or would be) for legal philosophy.

Keywords: logical positivism, fact, value, norm, legal philosophy, Wittgenstein

* Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 18–78–10082.

Значение «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна широко и многогранно. Множащиеся интерпретации и даже интерпретации интерпретаций, которые уже далеко отстают от оригинального источника, лишь свидетельствуют о неугасающем интересе к этому тексту. Афористичность и загадочность стиля изложения позволяют рассматривать положения «Трактата» с самых разных сторон и самых разных точек зрения. Его значение не может и не должно исчерпываться каким-то одним философским направлением. Этот текст нужно оценивать не только с точки зрения того, какое влияние он оказал (или не оказал, как считает А.Л. Никифоров [Никифоров, 2021]) на логический позитивизм, но, возможно, с точки зрения того, как в нем объясняются другие философские вопросы, например ценности, и каким образом ценности соотносятся с фактами, нормами или правилами. Вариативность предлагаемых трактовок «Трактата» влечет многообразие его прочтений, где этическое прочтение, предлагаемое в том числе К.А. Родиным [Родин, 2021], выступает лишь одним из возможных вариантов, хотя и вариантом многообещающим, по крайней мере, для некоторых направлений гуманитарного знания.

Витгенштейн полагал, что основной смысл «Трактата» этический. Этика в его понимании неразрывно связана со смыслом мира; она выступает особым условием реальности, лежащим «вне всего происходящего и так существующего» [Витгенштейн, 2017, 6.41]. И хотя в самом «Трактате» содержится всего несколько пассажей, объясняющих и проясняющих отношение Витгенштейна к этике и этическому, его этические представления уточняются и развиваются в «Лекции об этике», где он уже заявляет, что «этика – это исследование смысла жизни, всего того, что делает жизнь стоящей; или же исследование правильного образа жизни» [Витгенштейн, 2015б, с. 332]. Этика здесь выступает особым отношением к фактам, отношением осмысленным или ценностным, задающим правила или структуру, которые как раз и обуславливают нашу мораль или наши суждения о ценностях.

То, что Витгенштейн понимает под этикой, излагается в афоризме 6.422 «Трактата», где рассматривается связь между этическим и действием:

Первой мыслью при установлении этического закона формы «ты должен...» является: «а что, если я этого не сделаю?» Но ясно, что этика не имеет ничего общего с наказанием и вознаграждением в обычном смысле. Поэтому данный вопрос о последствиях действия должен быть вопросом, не относящимся к делу. – По крайней мере эти последствия не должны быть событиями, ибо все же нечто в этой постановке вопроса должно быть правильным. Должно иметься некоторого рода этическое наказание и этическое вознаграждение, но они должны лежать в самом действии.

Попробуем разобраться, что Витгенштейн здесь имеет в виду. Когда он говорит, что «этика не имеет ничего общего с вознаграждением и наказанием в обычном смысле», эта мысль напоминает традиционный взгляд на этику. Но, очевидно, эту констатацию не следует трактовать так, как это делала Э. Анском, называя ее «юридическим пониманием этики» (law conception of ethics) [Anscombe, 1958, p. 6], когда система принципов и правил устанавливается и подкрепляется неким внешним авторитетом. Напротив, для Витгенштейна вознаграждение и наказание должны лежать в самом (индивидуальном) действии, а не за его пределами. Под этим он, по-видимому, понимает, что если нет внешних этических авторитетов, то этическое становится производным от наших фактических действий. Там же, где есть правила, подкрепленные некой обязательной силой (как, например, в праве), когда кто-то нарушает правило, само правило остается неизменным, оно не перестает быть императивным велением, оно не перестает существовать. Но если Витгенштейн считает, что в этике нет ни законов, ни внешних авторитетов, тогда каждое отдельное действие будет одновременно и задавать этическое правило, и следовать ему. В этом случае задача этики становится в некотором смысле невыполнимой, поскольку ей придется опираться на правила ничем не подкрепленные. Порядок, который она призвана установить, будет в таком случае неустойчивым и временным. Если нет никаких этических законов или правил, независимых от агента, тогда при каждом действии эти правила всегда будут находиться под угрозой их невыполнения или вообще будут невыполнимы. Иными словами, этическое всегда будет находиться в потенциальном состоянии, если вознаграждение и наказание будут лежать в самом действии, потому что только действие может презентировать этическое понимание, или, скорее, то, с помощью чего это понимание *показывается*. При таком подходе любые этические последствия действия будут результативаться не в изменении реальности, но в изменении этического представления о мире. И если такое действие пойдет вразрез с нашими моральными установками или мировоззрением, оно может привести к полному изменению нашего представления о мире или даже нашего представления о добре и зле.

Этическое у Витгенштейна не является результатом некоего соглашения (оно не конвенционально), поскольку не зависит от того, что большинство людей сочли бы правильным в конкретной ситуации. Этическое *субъективно* в том смысле, что оно имманентно человеческой природе, оно проявляется в действиях и установках, как, например, когда оцениваются одни вещи и осуждаются другие: «Добро и зло входят только через *субъекта*. А субъект не принадлежит миру, но есть граница мира» [Витгенштейн, 2015а, с. 133]. Такая этика как бы конституируется нами, и поэтому она не предполагает никакого внешнего оправдания и не требует внешнего обоснования. Но возможна ли

тогда этическая оценка действия, если агент не может оправдать свое поведение, просто сославшись на некие принципы и установки, которым он следовал? Интересно, что некоторые идеи классического естественного права отчасти напоминают это прозрение Витгенштейна, в частности, утверждение, что у человека есть некие естественные права, являющиеся частью его природы, а потому имеющие абсолютный характер [Финнис, 2012].

То, что люди говорят или делают, в этике может быть только *показано*. Это можно объяснить, воспользовавшись идеей Б. Уильямса о «тонких этических понятиях» (thin ethical concepts), таких как хорошее, плохое, добродетельное и т.д. [Williams, 2006, p. 140–142]. Эти понятия в некотором смысле задают границы этического поведения; они показывают, какое поведение следует считать *правильным*. Так происходит потому, что понятие «правильное» лишено фактического содержания, т.е. оно представляет собой определяющий (устанавливающий), а не дескриптивный термин. Аналогичным образом предложения вроде «Следует совершать правильные поступки», «Люди засуживают уважения», «Людей нельзя убивать» не имеют смысла, если их рассматривать вне контекста; они ничего не описывают, но указывают на границы нашего этического понимания правильного и неправильного, становясь тем самым правилами, имеющими обязательный характер как в морали, так и в праве.

Предложения этики, подобно указанным выше, выступают условиями нашего обращения с ценностями. Этику следует понимать, как условие ценности, которое неотделимо от того, как мы эту ценность используем. Возможно, в этом и заключается посыл Витгенштейна, что «метафизика ценностей невозможна, но не потому, что никаких ценностей нет, а потому, что они не существуют как факт, и стало быть они невыразимы в языке» [Суровцев, 2001, с. 278]. Витгенштейн говорит, что «этика не может быть высказана» [Витгенштейн, 2017, 6.421], но она позволяет мыслить в терминах добра и зла, рассматривать действия как правильные или неправильные, что, возможно, как раз и отражается в «смысле мира» [Там же, 6.41]. Невыразимость этики для Витгенштейна, таким образом, тесно связана с требованием, что только мы сами (каждый из нас) несем полную ответственность за структуру наших этических практик, а также за наши фактические действия. «Молчание» этики, по-видимому, это как раз и *показывает*.

Но если «не может быть никаких предложений этики» [Там же, 6.42], то насколько осмысленными (или бессмысленными) могут быть утверждения о ценностях? С точки зрения «Трактата» ценности, не будучи частью структуры фактов, в языке *невыразимы*; они могут быть лишь *показаны*. Их бессмысленность, как уточняется в «Лекции об этике», заключена в «самой их сущности» – они находятся «за пределами мира, т.е. за пределами обладающего значением языка» [Витгенштейн, 2015б, с. 342]. Но если взглянуть на ценности

или моральные действия с точки зрения того, как они разворачиваются на фоне этического (или даже юридического), то мы увидим, что они вполне могут быть осмысленными. Ибо этическое проявляется (показывается) именно в осмысленных действиях, в осмысленных разговорах по поводу того или иного поступка, в осмысленных реакциях на действия других людей или на мир в целом.

Итак, согласно Витгенштейну, в языке могут быть выражены только факты («Слова могут выражать лишь факты» [Витгенштейн, 2015б, с. 335]), в то время как ценности могут быть лишь показаны. Ценности не могут быть предметом этики ввиду ее невозможности, а так называемые предложения этики не могут выражать сущность этического [Витгенштейн, 2017, 6.421]; ценности относительны (в том смысле, что они не необходимы) – а значит, выражающие их правила и законы также относительны. Взгляд на мир с точки зрения ценности есть всегда взгляд на мир в целом. Но этот взгляд не выразим в языке, поскольку в языке выразимы только состояния дел, имеющие место «внутри» мира. Нельзя выразить в языке этический императив и тем более дать ему рациональное обоснование [Суровцев, 2015, с. 22]. Насколько интересными могут показаться эти утверждения Витгенштейна философу права?

Этот интерес мог бы быть связан с тем, что дискуссии, развернувшиеся в философии права второй половины XX в., привели в конечном итоге к выводу, что у права есть «минимальное моральное содержание». Между правом и моралью можно проследить интересные логические и концептуальные связи, которые выражаются в том, что для полного анализа понятия права следует обратиться по крайней мере к некоторым моральным понятиям. Право и мораль являются важнейшими социальными институтами, потому что регулируют поведение людей по отношению к основным человеческим ценностям. По этой причине они с необходимостью будут пересекаться, т.е. право и мораль будут, по крайней мере, отчасти *касаться* одних и тех же вопросов и проблем. Но все не так просто. Любой сторонник определенных ценностей (например, свободы) может встретиться с равно убедительными и четко выраженными аргументами в пользу конкурирующих ценностей (например, традиций и социальной стабильности), и совсем неясно, существует ли простой способ разрешения подобных споров. Ввиду этой кажущейся неразрешимости природы моральных разногласий моральные утверждения могут показаться утверждениями, не имеющими объективности, и быть не более чем выражениями индивидуальных, культурных или классовых предрассудков.

Допуская необходимость минимальной связи морали и права, он вполне мог бы обратиться к этическим размышлениям Витгенштейна для уточнения своей позиции. Но, узнав, что «этика не может быть высказана», философ права попадает в крайне неловкое поло-

жение. С одной стороны, если он соглашается с этой констатацией, ему следует отказаться (что было бы весьма неразумно и даже неправильно) от того, что право и мораль имеют необходимые пересечения. Или же признать, что ввиду невыразимости этики пересекающиеся области права и морали будут тоже невыразимы. А значит, невыразимыми могут оказаться те юридические правила, которые выражают или отражают определенные морально-этические установки (например, «Людей нельзя убивать»). С другой же стороны, реальная юридическая практика и теория принятия судебных решений (например, теория права Рональда Дворкина [Дворкин, 2004]) *говорят*, что судьи при принятии и обосновании своих решений руководствуются и даже в некоторых случаях, действительно, апеллируют к моральным ценностям, стандартам и принципам (например, к представлению о справедливости). Судьи не будут (и не смогут) ставить под сомнение «существование» этих ценностей, а также то, что делает эти ценности значимыми. Подобные утверждения о ценностях будут вполне осмысленными. Но Витгенштейн говорит, что осмысленными могут быть только утверждения, использующие относительные оценки: «каждое суждение об относительной ценности есть просто суждение о фактах» [Витгенштейн, 2015б, с. 333]. Например, когда мы говорим: «Этот человек хороший пианист», мы подразумеваем, что он может играть вещи разной степени сложности, проявляя при этом определенное умение. Иными словами, слово «хороший», по мнению Витгенштейна, в относительном смысле просто означает соответствие определенному установленному стандарту [Там же, с. 332]. На что философ права мог бы возразить, поскольку неясно, утверждение «Он хороший человек» в смысле «Он законопослушный гражданин» (как это имеет место, например, в поручительствах или в трудовой характеристике) использует относительную или же абсолютную оценку. И как это можно установить? Есть подозрение, что, например, в рамках судебного процесса установить различие между относительной и абсолютной оценкой вряд ли возможно (и вряд ли необходимо). Более того, есть основания полагать, что эти утверждения будут одновременно и утверждениями о факте, и утверждениями о ценности. Это можно продемонстрировать на примере судебного процесса.

Задачей судебного разбирательства является решение вопроса о вменении ответственности на основе собранных доказательств или освобождение от ответственности. Доказыванию тогда подлежит, собственно, не каузальная связь, а то, как причинно-следственная цепочка событий связана с поведением лица, которому вменяется ответственность. Как правило, определение такой связи основывается на оценочном суждении касательно относительной силы представленных сторонами доказательств, среди которых судья выбирает наиболее убедительные, имеющие большую доказательственную силу.

Поэтому в структуре судебной аргументации утверждение о факте оценивается с точки зрения большей убедительности доказательств, представленных в пользу высказанных утверждений [Антонов, Оглезнев, 2020, с. 51]. Таким образом, через описание фактов судья на основании соответствующих правил и норм права дает юридическую (а иногда даже этическую) оценку тем или иным действиям, возлагает ответственность и в широком смысле приписывает юридическое значение этим фактам. Но юридические факты не могут быть редуцированы до «соединения объектов (вещей, предметов)» [Витгенштейн, 2017, 2.01], у них другая онтология и другие эпистемологические задачи.

Таким образом, стандарт *законопослушности* или стандарт того, кого следует считать *хорошим человеком*, можно в некотором смысле установить в нормах права. И тогда слова «законопослушный», «порядочный», «хороший» и т.д. будут означать соответствие этим стандартам не только в относительном (как говорит Витгенштейн [Витгенштейн, 2015б, с. 332]), но и в абсолютном смысле. В то время как утверждения, в которых эти слова содержатся, с точки зрения права могут быть одновременно и утверждениями о факте, и утверждениями о ценности. Получается, что этические рассуждения Витгенштейна не только не проясняют вопрос о соотношении фактов, ценностей и норм, вопрос, который для философии права имеет важное значение, но, напротив, еще сильнее его запутывают. Этическое прочтение «Логико-философского трактата», предлагаемое К.А. Родиным [Родин, 2021], также не позволяет это исправить или как-то прояснить. И вряд ли сам этот текст может оказаться интересным философу права, поскольку в нем он не найдет удовлетворительных ответов на интересующие его вопросы, а именно вопросы о соотношении фактов, ценностей и норм, а также морали и права (но есть и другие точки зрения по поводу полезности «Трактата» для правоведов [Дидикин, 2020]). Однако иногда кажется, что некоторым философам права в попытках добиться ответов на эти вопросы следовало бы лучше прислушаться к совету Витгенштейна, что «о чем невозможно говорить, о том следует молчать» [Витгенштейн, 2017, с. 7]. Но это уже другая история.

Список литературы

Антонов, Оглезнев, 2020 – Антонов М.В., Оглезнев В.В. Юридический позитивизм и истина в праве // Труды института государства и права РАН. 2020. № 3. С. 42–61.

Дворкин, 2004 – Дворкин Р. О правах всерьез / Пер. с англ. Л.Б. Макеевой. М.: РОССПЭН, 2004. 392 с.

Дидикин, 2020 – Дидикин А.Б. Витгенштейн и метаморфозы юридического языка // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2020. Т. 5. № 2. С. 109–113.

Витгенштейн, 2017 – *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат / Пер. с нем. И.С. Добронравова и Д.Г. Лахути. М.: «Канон+», 2017. 288 с.

Витгенштейн, 2015а – *Витгенштейн Л.* Дневники 1914–1916 / Пер. с нем. В.А. Суровцева. М.: «Канон+», 2015. С. 29–149.

Витгенштейн, 2015б – *Витгенштейн Л.* Лекция об этике / Пер. с англ. А.Ф. Грязнова // Людвиг Витгенштейн. М.: «Канон+», 2015. С. 330–342.

Никифоров, 2021 – *Никифоров А.Л.* Людвиг Витгенштейн и логический позитивизм // Эпистемология и философия науки. 2021. Т. 58. № 1. С. 22–30.

Родин, 2021 – *Родин К.А.* Этическое прочтение «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна // Эпистемология и философия науки. 2021. Т. 58. № 1. С. 31–39.

Суровцев, 2001 – *Суровцев В.А.* Автономия логики: источники, генезис и система философии раннего Витгенштейна. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. 308 с.

Суровцев, 2015 – *Суровцев В.А.* Ранний Витгенштейн: о материалах к *Логико-философскому трактату* // Людвиг Витгенштейн. М.: «Канон+», 2015. С. 3–28.

Финнис, 2012 – *Финнис Дж.* Естественное право и естественные права / Пер. с англ. В.П. Гайдамака и А.В. Панихиной. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2012. 554 с.

Anscombe, 1958 – *Anscombe G.E.M.* Modern Moral Philosophy // *Philosophy*. 1958. Vol. 33. No. 124. Pp. 1–19.

Williams, 2006 – *Williams B.* Ethics and the Limits of Philosophy. L. and N.Y.: Routledge, 2006. 254 pp.

References

Anscombe, G.E.M. “Modern Moral Philosophy”, *Philosophy*, 1958, no. 124 (33), pp. 1–19.

Antonov, M.V., Ogleznev, V.V. “Yuridicheskii pozitivizm i istina v prave” [Legal Positivism and Truth in Law], *Proceeding of the Institute of the State and Law of the RAS*, 2020, no. 3, pp. 42–61. (In Russian)

Dworkin, R.; L. Makeeva. (trans.) *O pravakh vser'ez* [Taking Rights Seriously]. Moscow: ROSSPEN, 2004, 392 pp. (In Russian)

Didikin, A.B. “Vitgenshtein i metamorfozy yuridicheskogo yazyka” [Wittgenstein and the Metamorphoses of Legal Language], *Omsk Scientific Bulletin. Series “Society, History, Modernity”*, 2020, no. 2 (5), pp. 109–113. (In Russian)

Finnis, J.; V. Gaidamaka & A. Panikhina (eds.) *Estestvennoe pravo i estestvennye prava* [Natural Law and Natural Rights]. Moscow: IRISSEN, Mysl', 2012, 554 pp. (In Russian)

Nikiforov, A.L. Lyudvig Vitgenshtein i logicheskii pozitivizm [Ludwig Wittgenstein and Logical Positivism], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2021, vol. 58, no. 1, pp. 20–30. (In Russian)

Rodin, K.A. “Eticheskoe prochtenie ‘Logiko-filosofskogo traktata’ L. Vitgenshteina” [Ethical Reading of Wittgenstein’s “Tractatus Logico-Philosophicus”], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2021, vol. 58, no. 1, pp. 31–39. (In Russian)

Surovtsev, V.A. *Avtonomiya logiki: istochniki, genezis i sistema filosofii rannego Vitgenshteina* [Autonomy of Logic: Sources, Genesis, and System of Early Wittgenstein’s Philosophy]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2001, 308 pp. (In Russian)

Surovtsev, V.A. “Rannii Vitgenshtein: o materialakh k Logiko-filosofskomu traktatu” [Early Wittgenstein: On Materials for *Tractatus Logico-Philosophicus*], in: *Ludwig Wittgenstein*. Moscow: Kanon+, 2015, pp. 3–28. (In Russian)

Williams, B. *Ethics and the Limits of Philosophy*. London and New York: Routledge, 2006, 254 pp.

Wittgenstein, L.; I. Dobronravov & D. Lakhuti (trans.). *Logiko-filosofskii traktat* [Tractatus Logico-Philosophicus]. Moscow: Kanon+, 2017, 288 pp. (In Russian)

Wittgenstein, L. “Dnevnik 1914–1916” [Tagebücher 1914–1916], in: V. Surovtsev (trans.). *Ludwig Wittgenstein*. Moscow: Kanon+, 2015, pp. 29–149. (In Russian)

Wittgenstein, L. “Lektsiya ob etike” [Lecture on Ethics], in: V. Surovtsev (trans.). *Ludwig Wittgenstein*. Moscow: Kanon+, 2015, pp. 330–342. (In Russian)